

О смерти

Агун Штейнзальц

Все мы знаем о том, что рано или поздно умрем; каждому доводилось терять близких. Смерть пугает нас: во-первых, из того мира, куда мы уходим, нет возврата, мы точно знаем, что это - дорога с односторонним движением; во-вторых, мы страшимся всего, что неподвластно нашему сознанию, что окружено ореолом тайны. От этого страха не спасают даже обещания благ, которые ждут нас "там".

В "Пиркей-авот" написано: "...Рожденным предстоит умереть..." (4:29). Это означает, что вся наша жизнь - это процесс приближения к смерти, и с определенного возраста мы начинаем это осознавать. Примириться с печальным для нас фактом каждому помогает вера в то, что, несмотря на неизбежность физической смерти, гибель не тотальна и его существование в той или иной форме продлится.

Есть в наших душах какие-то механизмы, помогающие нам пережить смерть родителей. Но ничто не может помочь нам примириться с тем, когда молодые люди покидают этот мир раньше стариков. К несчастью, это происходит слишком часто.

День поминовения - годовщину смерти - отмечали особыми ритуалами прежде всего ашкеназские евреи, затем эти обычаи переняли и другие общины. Некоторые из принятых ныне традиций дня поминовения описаны в Талмуде, в трактате "Недарим" ("Обеты"). В те времена в этот день постились в знак сочувствия душе умершего, которая проходит на первых порах мучительные испытания; в наши дни такой обычай практически исчез. Сегодня хасиды отмечают годовщину со дня смерти человека застольем, поводом для чего является тикун - очередная стадия очищения его души. У сефардов принято устраивать трапезы и в годовщину смерти, и на тридцатый день после нее и читать во время застолья отрывки из книги "Зоар".

Как мы видим, день поминовения изменил свой характер, перестал быть днем скорби. Но нет ли в этом пренебрежения к памяти о покойном? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, почему такое изменение произошло.

Как сказал раби из Коцка сказал по поводу слов "внимающий гимнам" из благословения "Иштабах" ("Да будет восхваляемо") в утренней молитве, для Всевышнего важно, что остается в душе человека после молитвы. О чем, к примеру, думает еврей после заключительной молитвы в Йом-Кипур: о предстоящей трапезе или о том, каким будет его следующий день?

Лишь то, что оставляет след в душе, - это поистине событие, а проходящее бесследно таковым назвать нельзя; такое можно сравнить с возвращением человека с ярмарки с пустыми руками, даже без гостинцев для детей, или со сносом ограды, когда выясняется, что за ней ничего не было.

Время в мировоззрении иудаизма одновременно линейно и циклично. С одной стороны, оно течет по прямой: вчера - сегодня - завтра. С другой стороны, время постоянно возвращается "на круги своя": сутки, неделя, месяц, год... Оно образует трехмерную спираль, похожую на строение ДНК.

В истории человечества постоянно сменяются разные события - радостные и грустные, дни праздника и траура, - большинство которых постепенно забываются, однако некоторые из них оставляют след во времени и пространстве. Рассказывая о празднике Ханука, Талмуд говорит так: "А на следующий год установили праздничные дни для восхваления и благодарения" ("Шабат", 21б). Почему этого не сделали в первый год? Потому что тогда еще не было известно, проходящее ли это событие или из тех, которые остаются в памяти людей на века. Если через год память о нем не ослабла - оно из второй категории.

Когда праведник умирает, сердца его родных и учеников сокрушены от ощущения потери; в то же время уход таких людей из этого мира называется в еврейской традиции илула де-цадикая - "свадьба праведных". Что объединяет столь разные события? Под хупой радость соседствует с печалью. Когда-то было принято, чтобы невесты плакали на свадьбе (сохранились даже тексты, которые они распевали, рыдая), горюя о разлуке с родителями. Однако событие-то радостное - ведь жениха и невесту соединяет Сам Всевышний: "За сорок дней до рождения ребенка нисходит Бат-Коль и провозглашает: "Дочь такого-то предназначается такому-то!" ("Сота", 2а). Долгие годы две эти души были разлучены, и вот теперь они встретились - и радость при этом безмерна.

Смысл перехода из одного состояния в другое может быть осознан лишь по прошествии многих лет. Но прежде чем это произойдет, необходимо испытать горечь разлуки. Тикун (приведение в соответствие с первичным замыслом) любого траура заключается в том, что скорбь в конце концов превращается в радость. Однако это происходит не сразу.

После процитированных выше слов "Пиркей-авот": "Рожденным предстоит умереть..." - сказано: "...а мертвым - вернуться к жизни". Эта концепция приводит нас к благословию "Мхайе а-метим" ("Возвращающий мертвых к жизни") из молитвы "Шмонэ-эсрэ", в котором есть просьба о дожде и восхваление могущества Творца. Цикличность времени определяет существование материального мира: пахота - сев - орошение - произрастание - жатва; рождение - расцвет - увядание - смерть - возвращение к жизни... Мы не всегда способны проникнуть в суть вещей. Мы видим, что каждое утро восходит солнце, привычки к этому и не находим в том ничего необычного. Но что чувствовал первый человек? Когда он видел восход солнца - радовался, когда наблюдал закат - впадал в панику: ему казалось, что это - конец света. Но на следующий день он вновь становился свидетелем восхода!

Когда крестьянин выходит в поле после жатвы, он видит, что оно мертво и выжжено солнцем, но при этом знает: это - лишь завершение очередного цикла. Между жизнью и смертью нет антагонизма, наоборот: они дополняют друг друга на пути души ко все более высоким ступеням.

Так что же должно происходить в годовщину смерти? Вместо того, чтобы отравлять себя ядом скорби, нужно превратить этот день в праздник жизни и восхождения, ибо человек приходит в наш мир, чтобы его душа поднялась на новый уровень, и смерть тела - лишь ступень на этом пути.

Мы верим, что любая смерть - начало очередного этапа существования души, и именно так следует ее воспринимать. Да, действительно, все в нашей жизни подвержено изменениям, которые порой причиняют нам боль. Но любые испытания переносятся гораздо легче, если мы осознаем, с какой целью они нам посланы.

Если жизнь человека была бессмысленной и бесплодной, то смерть приводит к забвению. Но если ему удалось что-то сделать за время своего существования в этом мире, то результаты его деяний становятся теми зернами, из которых появятся на свет новые ростки, которые дадут плоды в свое время. Сама наша память о нем превращает день его поминовения в день тикун - исправления души, день скорби - в день радости.

Когда собирают маслины, на каждой делают надрез, чтобы из них ушла горечь и они стали съедобными. То же должны сделать и мы: превратить горечь в сладость. В книге "Зоар" написано: "Те, кто превращает зло в добро и горькое в сладкое, удостоится рая".

И сбудется пророчество Йешая: "Уничтожит Он смерть навеки, и утрет Г-сподь, Б-г, слезы на всех лицах" (25:8).

«Я БЫЛ ВЫЛИТЫЙ СТАЛИН, ГИТЛЕР И ЧУТЬ НЕ СЫГРАЛ В КИНО КАРЛА МАРКСА»

(ОКОНЧАНИЕ)

- Леонид Сергеевич, а сколько периферийных театров вы поменяли?
- Первый - в Магнитогорске был, Театр имени Пушкина, куда по окончании Ташкентского ГИТИСа я попал, второй - в Оренбурге, третий - в Грозном, Театр имени Лермонтова, четвертый - в Иркутске, пятый - в Воронеже, Академический театр драмы имени Кольцова, только шестой уже - Театр на Малой Бронной, а вообще, ты не в курсе, учеба в двух вузах в стаж входит?

- Думаю, да...
- Значит, плюс шесть студенческих лет - четыре в одном и два во втором, таким образом, мой непрерывный стаж - 66 лет, но это никого не волнует, никому, оказывается, не нужно. Я-то думал, это имеет значение, - нет, всем плевать!

- Роль Мюллера в телевизионном художественном фильме «Семнадцать мгновений весны» - ваша визитная карточка и, как вы однажды сказали, ваш крест, а это правда, что сначала вас пробыли на Гитлера?

- Да, и у меня даже фотографии есть - вылитый фюрер! Вылитый Сталин, Гитлер и чуть не сыграл в кино Карла Маркса - в результате им стал Игорь Кваша.

- И Лениным вы на сцене были...
- Сначала - молодым, в пьесе «Семья» Попова, а ты знаешь, как я показывался самому Охлопкову?

- Нет. В «Мяковку»?

- Ну, это же можно со смеху умереть! Я потом еще раз его увидел - у него была болезнь, как у Рейгана...

- ...Альцгеймера?

- Да, огромный двухметровый человек встретил меня у театра и сказал: «У вас красивые перчатки». Я смутился: «Николай Павлович, у вас лучше». - «Да? Заходите, пожалуйста». Оказывается, он приходил в театр, его раздевали, он посидит три минуты - к нему подходил завтруппой Морской и говорил: «Николай Палыч, уже прошло три с половиной часа, актеры устали» - Охлопков вставал, и его увозили на дачу.

Впрочем, когда я пробовался, он был еще в силе. Я пришел: «Вот, хотел бы Николаю Павловичу показаться». - «Вам повезло, - обнадёжил Морской, - он только что звонил, сейчас приедет. Подождите или в коридоре, или в буфете - где хотите». Потом позвал: «Заходите».

Ну, сидит этот огромный человек, и тут только я понимаю: партнеров же нет - что я буду показывать? Читать ему стихи, петь песни? Это же глупо, это Охлопков! - и я (тако только от волнения можно было сделать) ставлю на середину кабинета стул и говорю: «Отрывок из пьесы Николая Погодина «Третья патетическая», спектакль Воронежского академического драматического театра имени Алексея Кольцова, постановка народного артиста РСФСР Шишигина Фирса Ефимовича. Ленин и референт».

Сей я на стул и давай: «Владимир Ильич, в Италии растут тенденции к признанию советской России. Ну, конечно, тут играет роль наша нефть, но все-таки торжествует реалистическая точка зрения». (Поворачивается в другую сторону). - «Они нас все признают. Глупость и упрямство долго властвовать не могут. Мы же их признаем - мы, которые их прогнали! Вы были в Сибири?». - «Был. Коротко, перед 17-м годом». - «Вас никогда не тянет туда?». - «Нет, Владимир Ильич, не тянет». - «Да, конечно. Вы молодые».

Охлопков воскликнул: «Простите, пожалуйста, что я вас прерываю, - это вы что, за Ленина и за референта?». Я: «Нет, сейчас еще Дятлов (персонаж пьесы Погодина. - Д. Г.) придет». Он Морскому тогда: «Да что ж это такое? Не можете человеку партнеров найти, он вынужден один за троих играть! Конечно, после нормального прослушивания я его возмущу...», но тут меня пригласили на Малую Бронную Гончаров, мне помогли подыграть все, что я исполнял в провинции, Мила Иванова и Галя Соколова, дай им Бог, ну, и Игорь Кваша, которого (грустно) уже нет.

«БРЕЖНЕВ ПОЗВОНИЛ ГРАДОВОЙ И СПРОСИЛ: «А ГДЕ ШТИРЛИЦ?» - ДУМАЛ, ОНИ ВМЕСТЕ ЖИВУТ...»

- Вернемся к Мюллеру: Всеволод Санаев, которого изначально планировали в этой роли снимать, насколько я знаю, сказал: «Я не могу, я...»

- ...парторг «Мосфильма»...

- ...и остановились на вашей кандидатуре...

- Да, а потом мы куда-то с ним ехали, и он недоумевал: «Как же я так отказался?». «Не поняли вы ничего, а я сразу понял: самая интересная роль».

- Вы знали, что настоящий Мюллер ос-тал-ся жив и после вой-ны плотно сотрудничал с американцами?

- Ну, это слухи... Остался жив - да, но где бросил якорь, никто не знает (по одной из версий - в Ла-тинской Аме-рике, по другой - в США, по третьей - во-об-ще в СССР. - Д. Г.), а какой замечательный текст сочинил Семенов! Которому, кстати, Госпремию РСФСР не дали: нам дали, а его даже в список не вставили - что за хамство?

- А почему?

- Откуда я знаю? Человек был обижен до глубины души: посмотрите, какое он произведение написал! Я просто одну сцену тебе напомним - с одноклассником Айманом, которого хорошо играл Куравлев, помнишь?

- Еще был!

- Я говорю ему, что у Кальтен-бруннера «вырос огромный зуб на Штирлица». Айман спрашивает: «На кого?». - «Да-да, на Штирлица. Единственный человек в разведке Шелленберга, к которому я отношусь с симпатией».

Спокойный, не лилобод, без истерик и без показного рвения - не очень-то я верю тем, кто вертится вокруг начальства и выступает без нужды на наших партийных митингах: бездари, болтуны, бездельники, а этот молчун, я люблю молчунов. Если друг молчун, так это друг, а если враг, то это враг - я уважаю их, у них есть чему поучиться». Разве не замечательно? Это же музыка!

Дальше Айман-Куравлев убеждает: «Я знаю Штирлица восемь лет, я с ним был в Испании, под Смоленском я видел его под бомбами - он высечен из кремня и стали», а я, то есть Мюллер, ему: «Что это вас на эпитеты потянуло? С усталости, а? Оставьте эпитеты нашим партийным бонзам, мы, сыщики, должны выражаться существительными и глаголами: «Он встретился», «Она сказала», «Он передал».

Потом еще один удивительный момент. «Что же делать?» - спрашиваю я у Аймана. Он отвечает: «Я лично считаю, что нужно быть до конца честным перед самим собой - это определит все последующие действия и поступки», а Мюллер: «Действия и поступки - одно и то же».

- Характер какой!

- И в конце замечательно: «И запомните, что верить в наше время нельзя никому, порой даже самому себе. Мне - можно. Хе-хе-хе!».

- Класс!

- Вот, а Государственную премию СССР фильм не получил - только России. Спустя восемь лет большой Брежнев его посмотрел, заплакал - и дал Славе Тихонову «Золотую Звезду», нам с Табаковым Олегом Павловичем - по ордену Трудового Красного Знамени, остальным - ордена Дружбы народов...

- Ну, «Золотую Звезду» он дал ему, потому что думал, что это настоящий разведчик Исаяев, да?

- (Смеется). Ну, перепутал. Позвонил Градовой и спросил: «А где Штирлиц?» - думал, они вместе живут...

- Лично звонил Градовой?

- Ну да, да! «Это Брежнев», - представился, а она: «Перестаньте разыгрывать!» - и положила трубку. Последовал тут же второй звонок: «Это правда я, Леонид Ильич».

- «Да?». Не верила, потому что его много-мне изображали.

- Мне нервный тик Мюллера запомнился...

- Это получилось случайно - мне ворот мундира очень жал, потому все время вертел головой, и вдруг Лиознова говорит: «Давайте это утердим - как нервную краску в особо сложных местах, например, когда Мюллер узнает, что Штирлиц шпион».

- Классный момент!

- Да, получилось, но это внешняя деталь, а текст, повторю, какой замечательный! «Как только где-нибудь вместо «дрავствуйте» произнесут «хай!» в чей-то персональный адрес, знайте: там нас ждут, отсюда мы начнем свое великое возрождение. Вам сколько будет в 1965-м? Под 70. Счастливчик! Вы доживете и будете играть свою партию: 70 лет - возраст расцвета политиков, а мне будет под 80, поэтому меня волнуют ближайшие предстоящие 10 лет.

Если вы хотите делать свою ставку, не опасаясь меня, а, наоборот, рассчитывая на меня, помните: Мюллер, шеф гестапо, - старый уставший человек, он хочет дожить свои годы где-нибудь на маленькой ферме с голубым бассейном, и ради этого я готов поиграть в активность. И еще. Конечно, этого не надо говорить Борману, но сами это запомните. Для того чтобы из Берлина перебраться на маленькую ферму в тропики, не следует торопиться. Многие шавки фюрера побегут отсюда очень скоро и попадутся, а вот когда в Берлине будет грохотать русская каюката и солдаты будут сражаться за каждый дом, отсюда можно будет уйти, не хлопая за собой дверью. Уйти и унести тайну золота Париши, которая известна только Борману и фюреру, а когда фюрер уйдет в небытие (Тихонов с ужасом на меня смотрит. - Л. Б.), надо быть очень полезным Борману: он тогда будет Монте-Кристо XX века, так что сейчас идет борьба выдержек, Штирлиц, а в подоплеке-то одна суть, одна - простая и понятная человеческая суть».

Кстати, когда Михаил Андреевич Суслев - второе в советском государстве лицо - на этот фильм напал, а его начальник Главного политуправления Советской Армии генерал Епишев поддержал, Андропов на-шу картину защитил очень резко, но те все равно победили: Госпремию СССР нам не дали. Андропов же главным консультантом Цыгуна назначил - замечательную личность. Огромный че-ловек, странно ушедший из жизни...

- ...очень стран-но! - за-стре-лил-ся, чтобы, как го-во-рят, не получить высшую меру за коррупцию в осо-бо крупных размерах...

- Суслев говорил: «Так, как этот Боровой, Броневой или кто он там, фашиста играть нельзя!».

- Обаятельным делать, да?

- Добрым и так далее, а Анд-ро-пов: «Нет, именно таких играть надо - тогда мы показываем, что дралась с обаятельным, сильным и умным врагом и победили, а если будем немцев выставлять дураками, с кем же тогда мы сражались?».

«МЕДВЕДЕВ СПРОСИЛ: «КАКИЕ У ВАС ПРОСЬБЫ И ПОЖЕЛАНИЯ?». Я ПЛЕЧАМИ ПОЖАЛ: «НИКАКИХ». ОН УДИВИЛСЯ: «КАК?». Я: «А ЧТО, ВСЕ ЧТО-ТО КЛЯНЧАТ, ДА?»

- Знаю, что «Семнадцать мгновений весны» был любимым фильмом Андропова, но, подписывая вместо большого Брежнева указ о награждении артист-тов, вашу фамилию он не вспомнил и написал просто: «Мюллер»...

- Наверное, это все же не так, потому что когда Лиознова повезла ему на дачу три серии, она говорила, что Андропов мою фамилию слышал. Отсутствие информации есть полная слепота - тот, кто не информирован, оказывается в очень плохом положении. Я долго не был информирован, что она на дачу к нему ездила, а Андропов посмотрел и сказал:

«Это Плят, это Евстигнеев, это Тихонов, а вот этот, похожий на Черчиля, тот, который Мюллер, кто? Броневой? Я знал в Киеве Броневой - я тогда учился, и человек с такой фамилией меня приотил. Два месяца жил у него, он меня кормил и поил - без него с голоду бы умер».

- Потрясающе!

- Это дядька мой был, а я и не знал! Та же история, как тогда, когда у Дмитрия Анатольевича Медведева в гостях бывал.

- На 80-летие?

- Да, он пригласил меня в «Горки», и когда я об этом певиче Долиной рассказал, она воскликнула: «Ты идиот!», потому что Медведев спросил: «Какие у вас просьбы и пожелания?», а я плечами пожал: «Никаких». Он удивился: «Как?». Я: «А что, все что-то клянчат, да?». - «Все!». - «Ну а мне ничего не надо». - «У вас дача есть?». - «Дачу, Дмитрий Анатольевич, у нас нормальный человек иметь не может - ее может иметь Путин, вы или Лужков». - «Потому что у вас трехмесячная охрана, по 50 автоматчиков, вертолеты - значит, дом не сожгут и не взорвут», а Галкин во дворе построил дачу, по глупости своей...

- ...в деревне Грязь...

- ...да-да, и он получит в свое время, когда поддадут. Нельзя этого делаты - это возможно в Германии, во Франции, Англии, Америке, но не у нас.

- Вы так Медведеву и объяснили?

- Да: у меня двухкомнатная, сказал, квартира, и мне ничего больше не нужно - он очень был удивлен.

- Впервые немец, причем высокопоставленный, в советском кино был таким чертовски обаятельным изображен - я знаю, что вам даже письма приходили: «Дедушка Мюллер, мы все очень хотим быть похожими на вас» - писали прибалтийские третьеклассники...

- Ну да, но советская власть была, как ты понимаешь, этим не очень довольна.

- Анекдотов много ходило - о Мюллере и Штирлице...

- ...и самый удачный из них: «Штирлиц выстрелил в Мюллера - пуля отскочила. «Броневой», - подумал Штирлиц». Коротенький такой, остроумный... Тихонов, кстати, их не любил. Я говорил: «Чего ты, Слава? - ты ж вроде с юмором. Анекдоты - это показатель народной любви: посмотри, о Чапаеве сколько». Нет, он их не воспринимал...

- После «Семнадцати мгновений весны» на вас всенародная слава обрушилась - запоздавшая?

- Разумеется, но лучше поздно, чем никогда. Я же как стал артистом? Я когда-нибудь должен книгу написать, что ли: «Артист поневоле». Никуда же не брали, ну никуда! Хотел в дипломаты - закрыто, в военное училище - закрыто, в журналистику - закрыто. Куда можно? В театральный, но не в Москву - Школа-студия МХАТ меня тоже не ждет, поэтому только после Ташкента туда поступить попытался.

«ОДНА ГАЗЕТА НАПИСАЛА: «ДО ЧЕГО ПОСЛЕ «СЕМНАДЦАТИ МГНОВЕНИЙ» ЭТОТ БРОНЕВОЙ ОБНАГЛЕЛ - НЕ ХОЧЕТ ДАЖЕ ПО СЦЕНЕ ХОДИТЬ, ЕЗДИТ В КОЛЯСКЕ И РАЗ ЛИШЬ ПОДНЯЛСЯ!»

- Вы, тем не менее, ее, эту славу, ощущали, чувствовали сумасшедшую популярность?

- Наверное, да, потому что больше стал зарабатывать, но я гастролером в Мос-ков-с-ком областном театре драмы работал, и был директор такой замечательный - Тартаковский Исидор Михайлович: его сын сейчас директор «Московского оперетты». Пригласил меня «Три минуты Мартина Гроу» играть, я изображал инва-лида в коляске и только в конце вставал, так одна газета написала: «До чего после «Семнадцати мгновений» этот Броневой обнаглед! - не хочет даже по сцене ходить, ездит в коляске и раз лишь поднялся!».

Однажды я говорю: «Исидор Михайлович, у меня к вам вопрос. Объясните мне: в Театре на Малой Бронной я играю до 30 спектаклей в месяц, иногда по три в день - утром, днем и вечером, и 98 рублей получаю, а у вас исполняют в колясочке эту легкую роль - и за один спектакль 69 рублей 75 копеек вы мне платите. Пять спектаклей - 300 рублей: сумасшедшие деньги! Почему?». Тартаковский ответил: «Вы знаете, я вам советую больше никому никогда этот вопрос не задавать. Получаете? Налог платите? Ну и все!».

- Вы однажды признались, что истоков популярности роли Мюллера в «Семна-дцати мгновениях» не понимаете...

- ...до сих пор. Я не пытался специально играть - специально же нельзя сыграть

обязательно: я шел по тексту. Какая замечательная фраза там еще есть! В монологе мой герой говорит: «Тем, кому сегодня 10, мы не нужны: они не простят нам года и бомбежек, а вот те, что сейчас еще ничего не смыслят, они будут говорить о нас, как о легенде, а легенду надо подкармливать. Надо создавать тех сказочников, которые переложат наши слова на иной лад - тот, которым будет жить человечество через 20 лет».

- Сегодня этот фильм часто показывают - вы его смотрите?
- Нет, не могу больше! - и «Покровские ворота» тоже. Показывают, наверное, чтобы зритель возненавидел или потому, что больше транслировать нечего, но нельзя без конца «Иронию судьбы» крутить, «Семнадцать мгновений»...
- ...«Джентльменов удачи»...
- ...«Покровские ворота» - ну, хватит, создавайте что-нибудь новое.
- Цветную версию вы видели?
- Безобразия! - но я Лизовну не обвиняю: ей заплатили, она нуждалась.
- В раскрашенном виде лично вы стали лучше?
- Гораздо хуже. Один раз я вообще обратил внимание, что на экране красную повязку со свастикой «изучаю», а в это время идет текст - я его пропустил, к тому же там много документальных кадров, снятых на черно-белую пленку. Ну, «30-лущку» можно, наверное, делать цветной и яркой, а этот-то фильм зачем?
- В одном из интервью вы признались, что не прочь вернуться к Мюллеру еще раз...
- Нет, уже поздно.
- Но раньше можно было?
- Говорят, никогда не надо возвращаться. Вот вернулся я в Киев - дома своего не нашел: ну что в этом хорошего? До сих пор не понимаю, куда он подевался.
- Вы часто негодяев играли - почему?
- Такая морда.
- Жирная, как сказал Эфрос?
- Нет, строй лица не положительный. Положительный - у Стриженова, Ледогорова, Кузнецова...
- ...а тут - отрицательное обаяние, да?
- Наверное.
- Актер - женская профессия?
- Да, профессия, в которой главная задача - понравиться зрителю, является женской. Мужчина не должен, не имеет права жить с задачей понравиться, это не его дело - поэтому ужасное ремесло, женское.
- Я очень люблю вашего Велюрова в «Покровских воротах» - вообще, по большому счету, потрясающий фильм, и с годами становится все лучше и лучше...
- ...да-да...
- ...а какая роль в кино у вас любимая?
- Не знаю, трудно сказать. Все любимые: когда работаешь, любишь, а потом... Это как роды: родил - и потихоньку забыл, пустил в жизнь.

«ПЕРВАЯ ЖЕНА, ВАЛЯ БЛИНОВА, УМЕРЛА, И ДОЧКА ОСТАЛАСЬ - ЧЕТЫРЕ ГОДИКА. А ВЫ НЕ ЖЕНИЛИСЯ, ПОКА ИНСТИТУТ ОНА НЕ ЗАКОНЧИЛА, ЧТО НЕ ТРАВМИРОВАТЬ»

- Вы однажды признались: «Я был нищий, жил в коммуналке: только раскладушка и тараканы - все, что у меня было». Знаю, что вы даже в домино, чтобы прокуриться, играли...
- Да, на Тверском бульваре, чтобы выиграть рубль, но я не знал правила: если выиграл, ты обязан продолжать дальше, не имеешь права срываться. Молодой был, и объяснял старикам, что мне этот рубль очень нужен... У меня же первая жена, Валя Блинова, умерла, и дочка осталась - четыре годика. Я не женился, пока она институт не окончила, чтоб не травмировать - что ты? - а с нынешней женой 47 лет живу, скоро будет полвека: она замечательная!
- Нищета была жуткая?
- Ужасающая, но человек же ко всему привыкает, желудочек становится маленьким: крошку съешь - и на день хватает.
- Чтобы как-то выжить, вы, слышал, стихи узбекских поэтов переводили...
- Верно, и пару даже на высоком уровне были. Ну, не таком, как у того, кто Расула Гамзатова переводил, - я забыл, как его...
- Наум Гребнев?
- Да-да, еврей такой старенький, жена у него художница - он перевел: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей...».
- Наум Гребнев...
- Какой перевод чудесный!
- Как же вы с узбекского переводили? Знали язык?
- По подстрочнику - в том же ритме его перерабатывал. Кстати, когда студентом был, работал на радио диктором - телевидения еще не было. Я открывал эфир по-русски, а мой приятель, парнишка-узбек, по-узбекски, и однажды он не пришел, а пять минут седьмого - пора начинать! Прибежал на начальство, спрашивает: «Вы по-узбекски открыт можете?» - «Надо потренироваться». - «Некогда, выходите в эфир!». Я сказал: «Хорошо». Знаешь, сколько с того времени прошло? Лет 65, и та фраза мне врезалась в память на всю жизнь.

Я включил и сказал (говорит сначала по-узбекски, а потом переводит по-русски): «Говорит Ташкент, ташкентское время такое-то, передаем последние известия!». Получил 12 рублей премии за то, что он опоздал, узбек мой молодой, сказал ему: «Ну, ты меня хорошо подставил!». Он бы по-русски не смог, потому что с акцентом говорил, а я фразу, с которой обычно он начинал, запомнил.

«НИКОГДА В ШОУ-БИЗНЕСЕ НЕ БЫЛ И УЖЕ НЕ БУДУ: ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ ПУСТОБРЕХСТВО!»

- Говорят, у вас сложный характер, и в одном из интервью вы сказали: «Я рожден с ужасным чувством неуверенности в себе - я ненавижу свои глаза, свои руки, свое лицо». Вы самогод по натуре?
- Да, и хотя Захарова предупреждали: «Не надо его брать: тяжелый человек, ужасающий - с ним работать нельзя, это кошмар!», Марк Анатольевич упрямый и никогда не слушает, что ему говорят. Как Любимов, которого Высоцкого просили не брать: «Он же пьяница!». - «Ну, - он ответил, - еще один пьяница, кроме вас, будет, зато артист замечательный».
- Одним больше, одним меньше...
- Что-то подобное сказал обо мне Захаров и принял, спасибо ему большое, и хотя я сыграл у него очень мало, это не важно, сколько, - главное, что театр очень хо-роший. Уш-ли, к сожалению, Пельцер, Леонов, Ларионов, Абдулов, Янковский... Кошмар! - но это не-об-ходимость, то есть не необходимость - от этого просто не денешься нигде (нервно закурирует).
- Эпоха ушла, правда?
- Уходит - сна-ряды рвутся уже рядом.
- Вы, насколько я знаю, немилыми и тусовок не любите...
- Ненавижу! Ни-когда в шоу-бизнесе не был и уже не буду: терпеть не могу пустобрехство! «У меня часы за 300 тысяч долларов». - «А у меня за 500 тысяч»: ну и пошел ты к черту со своими часами! «Я за четыре тысячи евро купил шампанское» - ну и пей его, а я за 50 евро куплю и с удовольствием выпью. Не понимаю я этот шоу-бизнес и не хочу понимать.
- Вы однажды обмолвились: «Я не люблю людей милых»...
- Вечно улыбающихся не люблю. Есть такие, у которых улыбка с лица не сходит, и мне хочется спросить: «А какой же ты, если тебя разозлить? Наверное, страшнее, чем мрачный?». Не надо улыбаться специально. Да, я тяжелый, я в маму пошел: она нелегкой была, и я такой же, а если бываю глуп (кстати, иногда бываю, и очень), то это в отца, но талант и не очень сладкий характер - от мамы, я эту генетику чувствую...
- Девата некуда...
- Да, и если вдруг скажут что-то не то, взрываюсь так!.. - а через пять минут ду-

маю: «Что я наделал? Надо было тихо ответить, а я орал...». Потом обязательно нужно было прощения просить, извиняться, - так стыдно! - но с возрастом, к счастью, сил взрываться уже нет.

- Несправедливости не переносите?
- Ну, она же на каждом шагу, так что приходится, Дима, переносить. Ты знаешь, Чехов людей не любил, и я его понимаю: он видел их до кишок и показывая такими, какие они есть, - беспомощными, много говорящими иногда...
- ...пустыми...
- ...ничего не говорящими. Толстой-то какой бессовестный, Лев Николаич! - прости меня, Господи! Один раз был у него Чехов в гостях, и он сказал ему: «Вам не надо писать пьесы, у вас ничего не получается». - и бедный Антон Палыч решил: «Больше писать не буду». Если бы не Немирович, который возразил: «Да что вы?! Только посмотрите: «Три сестры» (сначала они же в Александринке провалились. - Л. Б.), «Вишневый сад»...
- ...«Чайка»...
- ...«Дядя Ваня», «Иванов»... Бог с вами!». Лев Николаич думал, что пьеса «Живой труп» лучше, что ли? Ничего подобного! Ты знаешь, что мне нравится у Толстого больше всего на свете, больше, чем «Война и мир»?
- «Власть тьмы», наверное...
- Нет, не люблю я патологическое... Маленькая сказочка - «Лев и собачка»: не читал?
- Нет...
- Ко льву маленькую собачку пустили - сначала она дико его боялась, а он смотрел на нее, мясо жрал, а через несколько дней стал оставлять мясо и ей. Потом она им стала командовать, и когда умерла, лев три дня не ел и тоже издох - вот такая короткая сказка, замечательная. В «Войне и мире» я начинаю путаться, «Анну Каренину» вообще не понимаю: что он хотел? Показать, что женщины - проститутки и что можно изменять мужу? Ну, хорошо, ты пожилого супруга не любишь, но он же видный политический деятель, ты хоть имя его пощади - что ж ты творишь? И в конце чего ты под поезд легла - что это такое? Не понимаю я поведения Анны и всегда на стороне Каренина.
- Помните, какой был шикарный Каренин Гриценко?
- А какой он в спектакле «На золотом дне» был - ты видел?
- Он вообще гений, по-моему...
- Гений, гений! - но кончил в психиатрической больнице, бедняга. Залез в чужой холодильник, избили его, умер... Народный артист СССР, великий актер! - отчего такие финалы выдают ужасные?
- У Пельцер вот тоже...
- С другой стороны, любой ведь финал сам по себе ужасен, каким бы он ни был. Выбросился ли из окна Белявский, или кто-то застрелил, или умер спокойно - в своей постели - не важно: все равно жизнь не бесконечна, а смерть - ужасная штука. Я вот, когда у мамы на Байковом стоял, думал: как странно... Она, кстати, просила, чтобы ее сожгли, поэтому там только урна.
- У одному священнику вопрос задал: «Вот объясните мне - организм человека такой, что тоньше ни одной электроники нет: вены, артерии, капилляры, печень, кишечник, желчный, все это связано... Зачем такую изумительно сложную создавать машину, чтобы она прожила на этом свете одну минуточку?». Он пояснил: «Ну, вообще-то Господь хотел сразу сделать человека бессмертным, но потом понял, что так нельзя: будет ужасно - для самого человека. Жить 500 лет? Ну, что вы, человек устанет...». Я вопрос ему задал: «А почему Господь Пушкина в 37 забрал, Лермонтова - в 26, Высоцкого - в 42, а Каганович, который убивал людей...
- ...дожил почти до 100...
- ...да, сидел и играл в домино? В чем дело? Это что, дьяволы побеждают?». - «Может быть, - сказал батюшка. - Против Господа множество черных ангелов - видим, иногда они берут верх». - «А что, Бог не вмешивается? Он ведь решает, сколько кому жить?». В общем, на все вопросы священник ответить не мог, и больше я не допытывался.

«ПОД СТАРОСТЬ ЖИЗНЬ ТАКАЯ ГАДОСТЬ... БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ - СЛОЖНАЯ ВЕЩЬ...»

- Вы очень интересно об Анне Карениной рассуждали, а я знаю, что женщины вы очень любите, но Людмила Сенчина рассказывала мне, что когда вы снимались с ней в постальной сцене в картине «Вооружен и очень опасен», чересчур были зажаты - на удивление (боялись, как отнесется к этой сцене супруга). Сенчина до сих пор не может понять, что с вами тогда происходило, по ее словам, даже «оператор вам предложил: «Леонид Сергеевич, ну е-мое, вам показать, что ли?»...
- Да не был я там зажат: брал ее за грудь как следует, когда нужно было...
- Понравилось?
- Ну, большая грудь, хорошая, ложился на нее - по роли так было положено. Кстати, с Сенчиной мы чуть не разбились: там тарантасик был на двоих, мы сели и лошадь понесла. Я думал, конец: впереди стальной трос, где надо остановиться... - как я с той лошадей справился, не понимаю. Я испугался, Людя сидела справа, колесочка узенькая...
- Вам 85 лет: какое оно - ощущение возраста при такой ясности ума? Вот я с вами общаюсь - и восхищен, честно!...
- Ну, Пушкин же сказал: «Под старость жизнь такая гадость» - откуда он это в 27-28 лет знал? Чувствовал, наверное, по своему отцу видел, по матери, по дядьке, который забрал у него в долг все деньги и не отдал. Какое ощущение? Разумеется, нелегко, работать все сложнее, но не работать в нашей стране нельзя. Может, если бы я в Голливуде снялся, обеспечен бы был так, что хотел бы - работал, не хотел - не работал, а у нас это невозможно.
- А жить, Леонид Сергеевич, хочется? Усталости нет?
- Иногда есть, причем ужасная, но это не значит, что... Хочется, у меня замечательная жена, поэтому я так долго живу: она ухаживает за мной, как за ребенком.
- Ваши отец и мать, тем не менее, долгожителями были...
- ...да...
- ...и по законам генетики вы тоже должны жить долго...
- Не обязательно: Саша Лазарев вон в 73 умер, а родители жили до 90 с лишним. Это не показатель, понимаешь?
- Я все-таки хочу, чтобы вы жили 120 лет, и искренне этого вам желаю...
- Талант - это чувство меры, значит, и в том, сколько жить, надо меру знать. Не нужно перебарывать и в этом, потому что дотянуть до состояния, когда ты беспомощен и ничего не можешь, ужасно. Думаю, Белявский специально выбросился из окна...
- ...мне тоже так кажется...
- ...потому что он сильным был парнем, хотя и говорит, что жил на третьем этаже, а выпал почему-то с пятого и из коридора, где подоконник огромный... Не знаю, что это было, пускаяй расследуй...
Уходят, уходят, уходят... Олега Ивановича Янковского я очень любил. (Пауза). Ты представляешь, за три дня до смерти он сел и составил список, кому хочет по миллиону рублей дать - из своего фонда: Захаров, Броневому, Ярмолинку, Любину... Там 10 человек было, с кем он работал, и вдова его Людя Зорина позвонила: «Вы не хотите причитающиеся вам деньги забрать?». - «Как «не хочу»? Сочту за честь! Когда же он это написал?». - «За три дня»: это каким надо быть человеком, а? - зная, что умираешь, думать о других! На последней «Женитьбе» Янковский уже не мог стоять. Я говорил: «Олег Иванович, сядьте, тут это не важно...» - «Да?». - «Ну, конечно. Присядьте». Он сел...

(Грустно). Борьба со смертью, Димочка, сложная вещь...

http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s1_66489/8443.html

В Министерстве национальной и региональной политики Республики Карелия состоялась встреча с активом еврейской общины Петрозаводска. Разговор шел о дальнейшем совершенствовании взаимосвязи общины с властными структурами, сотрудничестве в области межнациональных связей с другими национальными объединениями, планами совместной работы на ближайший год. Было подчеркнуто, что еврейская община одна из наиболее активных национальных сообществ в республике, и охотно делится своим богатым опытом со всеми, готовыми его перенять и творчески переосмыслить. В заключении встречи от имени общины работникам министерства были подарены традиционные подарки мишлоах манот накануне предстоящего праздника Пурим, а министр Сергей Кисел вручил Людмиле Гринберг, преподавателю еврейской воскресной школы ЙОМ РИШОН, Благодарственное письмо «За активное участие в реализации мероприятий в сфере государственной национальной политики на территории Республики Карелия».

Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения
ГОРНЮЮ ВИУЛЕНУ АРНОЛЬДОВНУ
пожелать здоровья, бодрости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ
ГЕЛЕСА Иосифа Соломоновича
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Гусиные или куриные шкварки («грибенкес»)

Гусиный или куриный жир с кожей 250-300 г, лук репчатый - 3 шт., соль.

Гусиный или куриный жир отрезают от тушек птицы вместе с кожей, промывают его, нарезают на мелкие куски, солят и затем выгаливают на слабом огне. Как только шкварки будут полуготовы, добавляют мелко рубленный лук и продолжают жарить до готовности лука (пока не появится золотистый цвет). Шкварки и лук отделяют от жира, который используют для приготовления других блюд. На тарелку кладут шкварки с луком и поливают растопленным жиром. Шкварки можно добавить в отварной картофель или пюре из картофеля.

Рубленые яйца с пассерованным репчатым луком

Яйца 8 шт., репчатый лук 1-2 шт., гусиный топленый жир 1,5-2 ст. ложки, соль.

Крутые охлажденные яйца рубят и смешивают с нарубленным пассерованным до готовности репчатым луком. Добавляют соль и осторожно перемешивают. При подаче на стол поливают растопленным гусиным жиром и посыпают мелко нарезанной зеленью петрушки (или укропа).

Приятного аппетита!

Оркестр русских народных инструментов «Онего» под управлением Михаила Тоцкого подготовил программу «Скрипач на крыше» по мотивам цикла рассказов «Тевье-молочник» Шолома Алейхема и мюзикла Джерри Бока. Театрализованная программа, в которой были заняты: Ансамбль еврейского танца «Авив» (руководитель - Наталья Гуль); Камерный хор «Теллерво» (руководитель - Ирина Белковская); актеры Негосударственного авторского театра «Ad libitum» Наталья Антипина и Александр Картушин; солисты Музыкального театра Павел Назаров, Елена Полиенко; артисты Леонид Янишен, Павел Костров, Владимир Горбунов, Александр Холодков, Татьяна Азанова была показана 27 января в Международный день памяти жертв Холокоста. Среди спонсоров программы была и РЕНКА Республики Карелия. Представление прошло при переполненном зале и имело большой успех.

27 ЯНВАРЯ

16.00

ФИЛАРМОНИЯ
Создан 2017/2018

Оркестр русских народных инструментов «ОНЕГО»
Дирижер – Михаил Тоцкий
Художественное слово – актеры Негосударственного авторского театра «Ad libitum»
Наталья Антипина и Александр Картушин
Ансамбль еврейского танца «АВИВ»
Руководитель – Наталья Гуль
Камерный хор «ТЕЛЛЕРВО»
Руководитель – Ирина Белковская
Владимир Горбунов
Александр Холодков

СКРИПАЧ НА КРЫШЕ

АБОНЕМЕНТ № 19 «МУЗЫКА ЛЮБИМЫХ КНИГ»
Произведения Шолома Алейхема
Музыка Джерри Бока

6+

ПОКУПКА БИЛЕТОВ ONLINE: kgfptz.ru
ЗАКАЗ БИЛЕТОВ: 76-92-08, 77-45-57

**КАЖДЫЙ ЕВРЕЙ ЕСТЬ ПЕВЕЦ ПЕРЕД ЛИЦО ГОСПОДНИМ,
И КАЖДАЯ БУКВА В ТОРЕ - МУЗЫКАЛЬНАЯ НОТА**

Натан б. Нафтали Герц

Наша кухня

Вареное яйцо с обжаренным луком по-еврейски

Яйцо - 8-10 шт.; репчатый лук - 40-70г; гусиный топленый жир - 30-40г; соль; свежая пряная зелень - 15-20г.

Сварить вкрутую яйца. Очистить и нарезать колечками лук. Содержимое остывших яиц нарубить или мелко нарезать. Лук, помешивая, подрумянить в жиру на слабом огне. Свежую зелень перебрать, помыть, обсушить и мелко нарезать.

Соединить содержимое яиц, лук, посолить и аккуратно перемешать. Выложить получившуюся массу в салатницу, полить жиром, оставшимся в сковороде, и посыпать зеленью.

Красиво, вкусно, в меру сытно и не без диетических достоинств, которых тем больше, чем меньше взяли соли и жира.

Салат из яиц и репчатого лука

Яйцо - 6 шт.; репчатый лук - 2 шт.; гусиный или куриный жир - 100г; черный молотый перец - по вкусу; соль.

Яйца сварить вкрутую. Лук очистить, мелко нарезать, посолить и оставить на 20 минут. Яйца измельчить ножом (не очень мелко), смешать с гусиным или куриным жиром. Яйца, лук и жир перемешать, заправить солью, перцем.

Уложить на блюдо в виде горки. Этот салат пригоден для приготовления открытых бутербродов. Намазывать на белый хлеб.